

СЕРГЕЙ КУМИРОВ

ПАМЯТЬ ДУШИ

— КНИГА ТРЕТЬЯ —

18+

Сергей Кумиров

Память души. Книга третья

«Автор»

2026

Кумиров С.

Память души. Книга третья / С. Кумиров — «Автор», 2026

Память души. Книга третья Пятьдесят историй. Пятьдесят судеб. Пятьдесят путешествий в глубины человеческой души. В этой книге вас ждут удивительные истории о любви и предательстве, войнах и борьбе, потерях и прощении. Истории людей, чьи судьбы разворачивались в разные эпохи, но чьи чувства удивительно близки нам и сегодня. Почему мы порой годами несём в себе страхи, повторяем одни и те же сценарии и не можем отпустить прошлое? Что скрывается за нашими внутренними конфликтами? И возможно ли разорвать круг боли, чтобы наконец обрести свободу? Сергей Кумиров, регрессолог и проводник в лабиринтах памяти, приглашает вас в путешествие, где за каждой историей открывается возможность лучше понять себя. Эта книга — о том, как превратить боль в мудрость, освободиться от груза прошлого и найти дорогу к внутреннему миру. Ведь даже самую долгую войну можно закончить силой любви. А путь к ней начинается с нашего собственного сердца.

© Кумиров С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Ангел-хранитель для сотен солдат	8
Подопытный кролик	10
Чужая вина	12
Великий замысел любви	14
Волшебница или колдунья?	16
Любовь или расчёт?	18
Воин отчаяния	20
Право на истинную силу	22
Исцелённый монах	24
Отчим и пасынок	26
Пуля и каторга	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Кумиров

Память души. Книга третья

Предисловие

Когда я завершал работу над второй книгой, мне казалось, что я уже прикоснулся к самым глубоким тайнам человеческой души. Казалось, что после десятков историй, наполненных болью, потерями, предательствами и освобождением, меня уже трудно удивить. Но душа вновь напомнила мне о своей бесконечности. Она не знает границ, не подчиняется времени и каждый раз открывает новые двери там, где, казалось бы, всё уже давно изучено.

И вот передо мной снова чистые страницы. А за ними — пятьдесят новых историй. Пятьдесят судеб, пятьдесят удивительных путешествий в глубины памяти, пятьдесят встреч с самими собой. Каждая из этих историй — не просто рассказ о далёком прошлом. Это исповедь души, которая через столетия несёт с собой любовь и боль, страх и надежду, незавершённые обещания и вопросы, на которые так долго не могла найти ответ.

Я снова хочу сказать спасибо каждому, кто решился на это путешествие. Спасибо за доверие, за смелость заглянуть туда, куда порой страшно смотреть, за готовность встретиться с собой настоящим. Вы доверили мне самое сокровенное — и именно благодаря вам эти истории обрели голос.

В третьей книге есть одна особенность, которую я заметил уже в процессе работы. Здесь оказалось удивительно много историй о войнах и борьбе. Войнах между народами и государствами, в которых рушились города и человеческие судьбы. Войнах за власть, свободу, выживание и право быть собой. Но, пожалуй, ещё больше меня поразило то, что за каждой внешней битвой скрывалась другая — внутренняя. Борьба с ненавистью, страхом, чувством вины, жадой мести. Борьба человека с самим собой.

Сквозь эти истории вновь и вновь проступал один и тот же вопрос: почему мы так долго продолжаем воевать? Почему боль, однажды причинённая нам, спустя годы превращается в боль, которую мы причиняем другим? Почему тот, кто когда-то сам был жертвой, порой становится палачом? И как разорвать этот бесконечный круг?

Я не берусь давать универсальные ответы на вопросы, над которыми человечество размышляет тысячелетиями. Но в работе с человеческими историями я снова и снова встречался с удивительным открытием: там, где заканчивается ненависть, появляется возможность для исцеления. Там, где человек перестаёт видеть во враге только врага, возникает шанс увидеть в нём другого человека — со своими страхами, болью и стремлением жить.

Любую войну можно закончить силой любви.

Не слабостью. Не покорностью. Не отказом от справедливости и собственного достоинства. А той внутренней силой, которая позволяет не отвечать ненавистью на ненависть, не передавать свою боль дальше, не превращать пережитую несправедливость в оправдание для новой жестокости.

Любовь не всегда означает примирение с тем, кто причинил тебе зло. Иногда она означает способность отпустить человека, с которым больше невозможно идти рядом. Иногда — перестать мстить. Иногда — наконец-то простить самого себя. А иногда любовь начинается с простого решения: я больше не хочу продолжать эту войну внутри себя.

И, возможно, именно с этого решения начинается окончание любой войны.

В историях этой книги вы встретите воинов и правителей, пленников и изгнанников, людей, вынужденных делать невозможный выбор. Вы увидите, как судьбы переплетаются

сквозь эпохи, как обещания, страхи и непрожитые чувства словно путешествуют вместе с душой, вновь и вновь предлагая ей возможность сделать другой выбор.

Но я хочу, чтобы вы увидели не только трагедии. За каждой болью здесь скрывается возможность освобождения. За каждой потерей — возможность обрести себя. За каждым падением — шанс подняться. И даже там, где кажется, что всё разрушено окончательно, может однажды появиться свет.

Именно в этом для меня заключается особая ценность регрессионной работы. Не в том, чтобы просто увидеть необычные картины прошлого, узнать имена, эпохи или обстоятельства давно прожитой жизни. Главное — понять, что происходит с нами сегодня. Почему мы боимся того, чего, казалось бы, не должны бояться? Почему снова и снова оказываемся в похожих отношениях? Почему не можем отпустить обиду, перестать бороться с миром или позволить себе быть счастливыми?

Когда человек находит для себя смысл пережитого опыта, он получает возможность иначе взглянуть на настоящее. То, что прежде казалось непреодолимым препятствием, иногда становится понятнее. То, что годами удерживало в страхе, может потерять свою власть. А там, где раньше была только борьба, постепенно появляется место для принятия, спокойствия и любви.

Я не прошу вас принимать каждую историю на веру. Я знаю, что среди читателей будут люди с разными взглядами на природу памяти, сознания и прошлых воплощений. И это совершенно нормально. Необязательно соглашаться со мной во всём, чтобы найти в этих историях что-то важное для себя.

Читайте сердцем. Размышляйте. Задавайте вопросы. Ищите собственные ответы.

Возможно, какой-то рассказ покажется вам невероятным. Другой вызовет сомнения. А в третьем вы неожиданно узнаете собственные чувства, хотя между вами и героем могут лежать сотни лет. Не спешите отмахиваться от этого ощущения. Иногда именно такие мгновения заставляют нас остановиться и внимательнее присмотреться к собственной жизни.

Дорогие мои читатели, я хочу отдельно поблагодарить каждого из вас. Тех, кто прочитал первую книгу, кто прошёл со мной путь через вторую, кто делился впечатлениями, задавал вопросы, рассказывал о своих переживаниях и ждал продолжения. И тех, кто только сейчас впервые открывает «Память души».

Только благодаря вам эта книга появилась на свет.

Ваш интерес, ваши отклики и ваше доверие дают мне силы продолжать эту работу. Каждое ваше сообщение напоминает мне о том, что эти истории нужны не только мне. Что в них кто-то находит утешение, кто-то — новый взгляд на свою жизнь, а кто-то — смелость сделать шаг навстречу самому себе.

И, конечно, моя особая благодарность героям этой книги — людям, которые решились отправиться в путешествие по глубинам своей памяти и позволили поделиться его результатами с другими. За каждым рассказом стоит живой человек, его надежды, сомнения, переживания и путь к пониманию себя. Без вашего доверия не было бы ни этих страниц, ни самой книги. Спасибо вам за открытость и смелость. Я глубоко ценю то, что вы позволили вашим историям стать частью большого общего путешествия.

Я также с неизменной благодарностью вспоминаю своих Учителей — Руслана Эрсельевича Мушаилова, Сергея Ивановича и Людмилу Геннадьевну Панченко. Их знания, наставления и поддержка продолжают сопровождать меня в работе. В моменты, когда человеческая боль кажется особенно тяжёлой, именно опыт, терпение и уважение к внутреннему миру человека помогают мне сохранять главное — бережность к тем, кто доверяет мне свою историю.

За время работы над тремя книгами я всё яснее понимал одну простую вещь: у каждой души свой путь. Мы не можем прожить чужую жизнь вместо другого человека, не можем отменить всё, что уже случилось, и не всегда способны изменить обстоятельства. Но у нас остаётся

выбор — что делать с тем опытом, который нам достался. Продолжать нести боль или постепенно превращать её в мудрость. Оставаться пленниками обид или учиться отпускать. Продолжать внутреннюю войну или однажды выбрать мир.

И, пожалуй, самое важное: мы можем выбирать любовь даже тогда, когда жизнь научила нас бояться. Можем выбирать доверие, даже если когда-то нас предали. Можем открывать сердце, даже если оно долго было закрыто от боли. Это не всегда просто. Иногда на такой путь уходят годы. Но каждый маленький шаг имеет значение.

Я посвящаю эту книгу всем, кто когда-либо сражался — с обстоятельствами, с другими людьми, с несправедливостью и, самое главное, с самим собой. Всем, кто устал воевать и ищет дорогу к миру. Всем, кто хочет понять, простить, отпустить и наконец начать жить свободнее.

Пусть эти пятьдесят историй станут для вас не просто рассказами о далёких жизнях, а возможностью заглянуть в собственное сердце. Пусть они напомнят вам, что за любой тьмой можно отыскать свет, за самой глубокой болью — возможность исцеления, а за бесконечной борьбой — тихую, но удивительно сильную любовь.

Ведь, возможно, мы приходим в этот мир не для того, чтобы победить всех своих врагов. Возможно, одна из наших главных задач — однажды перестать их создавать.

И если после прочтения хотя бы одной истории вы станете чуточку добрее к себе, внимательнее к близким, смелее в своих решениях и спокойнее внутри, значит, эта книга появилась не зря.

Спасибо, что вы со мной. Спасибо за доверие, за ваши сердца, за ваши истории и за то, что вместе мы продолжаем исследовать удивительный мир человеческой души.

Впереди ещё много неизведанного. И я верю, что у нас будут новые встречи, новые открытия и новые книги. Ведь пока душа ищет ответы, пока человек стремится понять себя и пока в нашем сердце живёт любовь, история никогда не заканчивается.

Выбирайте жизнь. Выбирайте свободу. Выбирайте любовь. И пусть каждая война, которую вы способны завершить внутри себя, станет началом мира вокруг вас.

**С неизменным теплом и благодарностью,
ваш проводник в лабиринтах памяти,
Сергей Кумиров**

Ангел-хранитель для сотен солдат

Моя работа — помогать людям вспоминать то, что их души предпочли бы спрятать в самый дальний ящик памяти. Но иногда, чтобы починить настоящее, нужно без страха заглянуть в прошлое.

Сегодня я хочу рассказать тебе историю одной удивительной девушки. Назовём её Анной.

Диагноз: «Душа на нуле»

Она пришла ко мне с классическим для нашего времени запросом: тотальная апатия, полное отсутствие энергии, нежелание просыпаться по утрам. Знаешь, это состояние, когда человек вроде бы живёт, но внутри словно выключили свет.

Но я сразу увидел: передо мной сидит невероятно масштабная, глубокая и добрая душа. В ней жила огромная, неосознанная потребность помогать другим, отдавать тепло. Но отдавать было нечего — внутренний сосуд был пуст.

Мы закрыли глаза, сделали глубокий вдох, и её подсознание само повело нас сквозь коридоры времени. туда, где завязался этот тугой узел.

Прошлое: Смех, война и хрупкая сила

Перед нами развернулась картина довоенного советского городка. Юная, тоненькая, невероятно красивая девушка. Она порхала по коридорам местной больницы в накрахмаленном белом халате. Стрижка каре, весёлые глаза, лёгкие шаги. Она работала медсестрой.

Мужчины сходили по ней с ума, выстраивались в очереди, мечтали позвать замуж. Но она только смеялась и качала головой — вся её жизнь была в этой помощи людям. Ей казалось, что впереди целая вечность, полная солнца и радости.

А потом наступил июнь 1941 года.

Она не колебалась ни секунды — сразу записалась на фронт. Там, в крошечном аду передовой, эта хрупкая, лёгкая красавица превратилась в ангела-хранителя для сотен солдат. Под свистом пуль, в грязи и крови, она упрямо тащила на себе огромных, взрослых мужчин. На её счету было больше сотни спасённых жизней. Сто с лишним человек остались жить благодаря её тонким, но стальным рукам.

Пока не наступил тот роковой день.

Она волокла к окопу очередного раненого бойца, когда совсем рядом оглушительно завыло. Взрыв. Снаряд разорвался в нескольких метрах. Бойца убило мгновенно — он принял на себя основной удар. А её... её отбросило взрывной волной.

Цена спасённых жизней

Она выжила чудом. Но цена была страшной. Осколки превратили её прекрасное тело в месиво. Военные хирурги сотворили невозможное, вытащив её с того света, но спасти конечности не удалось. Ей ампутировали обе ноги и правую руку. Осталась только одна — левая.

После долгих месяцев мучительной реабилитации пришло осознание. Из всей её бывлой лёгкости, красоты и грации осталась одна рука и жизнь в специнтернате для инвалидов войны.

Представь этот контраст: девушка, которая ещё вчера летала и спасала мир, оказалась заперта в неподвижном, искалеченном теле.

Она потеряла вкус к жизни. Смысл исчез. Оставшиеся годы она не жила — она доживала. На автомате, в глухой, серой апатии, согреваясь лишь редкими воспоминаниями. В той жизни она так и не смогла простить судьбу. И засыпая в последний раз в палате интерната, её душа зафиксировала это состояние: «Жить — это больно. Жить — это бессмысленно. Проще выключить чувства».

С этим невидимым багажом она и пришла в своё новое воплощение. В тело моей сегодняшней клиентки Анны.

Пробуждение: Выбирайте жизнь

Когда Анна в состоянии регрессии увидела всё это, она заплакала. Это были слёзы колоссального облегчения. Она вдруг посмотрела на свои нынешние руки. На свои ноги. Они были на месте! Целые, здоровые, сильные.

Я тихо сказал ей тогда:

«Посмотри на себя сейчас. Тебе больше не нужно страдать. Твой подвиг окончен, ты уже всё всем доказала. Тогда, на том поле боя, ты отдала свои ноги и руку ради того, чтобы другие жили. Ты пожертвовала собой ради Жизни. Так почему же в этой жизни ты отказываешься от этого дара и чуть не потеряла саму себя?»

В этот момент в её глазах словно щёлкнул выключатель. Душа вспомнила свою истинную природу. Апатия — это был просто фантомный страх того, военного увечья, который парализовал её волю здесь и сейчас.

Эпилог

Мы закончили сеанс. Анна уходила от меня с совершенно другим взглядом — глубоким, осознанным и... лёгким. Тем самым взглядом весёлой медсестры, которая наконец-то вернулась домой с затянувшейся войны.

Дорогие мои. Если вы сейчас читаете эти строки и чувствуете, что погрязли в унынии, вспомните эту историю. Ваша душа прошла огромный, часто героический и сложный путь. Вы заслужили право быть счастливыми просто так.

Вам больше не нужно воевать и страдать. У вас есть всё.

Выбирайте себя. Выбирайте мир. Выбирайте жизнь в любви и радости. Она у вас сейчас — здесь и сейчас!

Подопытный кролик

В моей практике регрессолога каждая встреча — это уникальное путешествие, но некоторые истории оставляют особенно глубокий след. Сегодня я хочу поделиться с вами одной из них. Это история о том, как узлы прошлого намертво связывают наше настоящее, и о том, как только истинная, безусловная любовь способна эти узлы развязать.

Запрос: Замкнутый круг боли

На приём ко мне пришла молодая девушка. Назовём её Анной. В её глазах читалась невероятная усталость — та самая усталость души, которая возникает, когда человек годами ходит по одному и тому же кругу.

Её проблема была классической и одновременно мучительной: тяжёлые, созависимые отношения.

«Сергей, это какой-то морок, — тихо говорила она. — Мы сходимся, и всё повторяется. Чтобы быть с ним, мне приходится постоянно ломать себя, подстраиваться, терпеть то, чего я категорически не хочу. Моего терпения не хватает, мы со скандалом расходимся. Проходит время, боль утихает, и нас снова непреодолимо тянет друг к другу. И всё начинается заново. Я не могу ни быть с ним, ни уйти».

Мы решили пойти вглубь — туда, где память души хранит истинные причины наших земных драм. Анна погрузилась в трансовое состояние, и её подсознание перенесло нас в удивительное, но непростое прошлое.

Погружение: Абсолютная власть

В той прошлой жизни Анна была необыкновенной женщиной. Она обладала редким, почти пугающим даром — умела читать и направлять мысли других людей. К ней, как к мудрой целительнице, тянулись толпы. Она видела людей насквозь: стоило человеку переступить порог, как она уже знала источник его недуга и мгновенно распознавала любую, даже самую искусную ложь.

Но великая сила — это и великое искушение.

Среди тех, кто искал её внимания, был один молодой человек. Он влюбился в неё до безумия, ходил по пятам, умолял о взаимности. В какой-то момент его навязчивость стала раздражать Анну. И тогда, поддавшись гордыне и любопытству, она сделала страшный шаг — полностью подчинила себе его волю.

Она превратила влюблённого юношу в своего ментального раба, в подопытного кролика. Ей захотелось исследовать границы своей силы. Анна начала ставить над ним жестокие эксперименты, проверяя, насколько глубока её власть:

Она приказывала ему причинять себе боль.

Заставляла держать руку над горящей свечой.

Принуждала лить на себя кипяток.

Она наблюдала: хватит ли у него остатков собственной воли, чтобы отдёргнуть руку, когда станет невыносимо горячо? Но он не отдёргивал. Его разум и воля были полностью парализованы её ментальными оковами.

А ведь Закон Свободы Воли — это один из главных, незыблемых законов Вселенной. Его не осмеливаются нарушать даже самые тёмные паразитические сущности. Анна же нарушила его ради забавы, из чистого эгоистического любопытства.

Этот парень так и прожил остаток дней у её ног, лишённый себя, пока его истерзанная душа просто не выдержала и не покинула измученное тело.

Осознание и исцеление: Сила безусловной любви

Когда в сеансе Анна увидела эту картину, она расплакалась. Пришло мгновенное, пронзительное осознание. В этой земной жизни их души встретились снова. И теперь они поменя-

лись ролями. В этих созависимых отношениях она на собственной шкуре проживала то, что когда-то заставила прочувствовать его: каково это — терять себя, ломать свою волю, подчиняться и терпеть боль ради другого.

Но в этой истории был один поразительный нюанс, от которого у меня, как у регрессолога, побежали мурашки. И в той жизни, и в этой — он искренне любил её. Даже будучи ментальным рабом, его душа тянулась к ней. И сейчас, проходя через этот болезненный опыт, он помогал её душе исцелиться от застарелой гордыни.

Любовь — это единственная сила, способная спасти наш мир. Даже когда мы совершаем колоссальные глупости, роковые ошибки и причиняем друг другу боль, истинная любовь всё прощает.

В конце сеанса мы провели глубокую энергетическую работу: Анна искренне, со слезами на глазах, попросила прощения у души этого мужчины за то, что сотворила с ним в прошлом. И произошло чудо — на уровне души он улыбнулся и отпустил её. Контракт был выполнен, урок пройден.

Вместо эпилога

Почувствовать безусловную любовь — чистую, свободную от груза прошлых обид, кармических долгов и ожиданий — это и есть настоящее, единственное волшебство нашего мира.

Бог (Вселенная, Творец) любит каждого из нас абсолютно бескорыстно, такими, какие мы есть, без каких-либо условий и оценок. Мы все здесь — просто ученики в большой школе жизни. Так давайте и мы будем стремиться к этой чистоте, учиться прощать себя и окружающих, и бережно относиться к чужой свободе.

Чужая вина

В моей практике регрессолога бывают случаи, когда человек приходит с глубоким, парализующим убеждением: «Если я так сильно боюсь закона, значит, в прошлом я точно совершил что-то ужасное». Мы привыкли думать, что страх перед структурой, полицией или судом — это обязательно следствие вины. Но душа помнит совсем другие сюжеты. Трагические, чистые и до боли благородные.

Этой историей я хочу поделиться с вами сегодня.

Запрос: «Я цепенею при виде формы»

Ко мне на сессию пришла удивительная женщина. Назовем её Ольгой. Интеллигентная, мягкая, с тихим голосом и невероятно добрыми глазами — она работает учительницей, отдает душу детям, живет честной и праведной жизнью. Но внутри неё долгие годы жил иррациональный, липкий ужас.

«Сергей, я не могу нормально жить, — делилась она. — Стоит мне увидеть сотрудника полиции, сердце уходит в пятки. А когда на работе возникла пустяковая необходимость сходить в суд как свидетелю по гражданскому делу, я просто впала в ступор. Ноги стали ватными, дышать не могла. Мне кажется, в прошлой жизни я была каким-то вором-рецидивистом или закоренелым преступником, раз моё подсознание так реагирует».

Мы устроились поудобнее, Ольга закрыла глаза, сделала несколько глубоких выдохов, и мы отправились туда, где этот страх пустил свои корни.

Погружение: Коммуналка, КБ и запах тушёнки

Перед глазами Ольги замелькали образы. Но она увидела себя не в тюремной робе с воровскими татуировками.

Начало 1930-х годов, СССР. Она — мужчина, скромный, интеллигентный инженер, работающий в одном из советских Конструкторских бюро (КБ). Жизнь его была тихой и сосредоточенной вокруг главного сокровища — любимой жены и маленькой дочурки. Они втроем ютились в небольшой комнатке огромной семикомнатной коммунальной квартиры.

Соседство было тяжелым. Одну из комнат занимал типичный «гегемон» того времени — грубый, вечно нетрезвый работяга с консервного завода. Он постоянно таскал с производства ворованную тушёнку, пил водку прямо в коридоре и закусывал её этими самыми консервами. Наш герой, будучи человеком глубоко порядочным и неконфликтным, старался просто не замечать соседа, оберегая свой маленький мир.

Но в один из вечеров этот мир рухнул.

Роковой вечер

Возвращаясь с работы из КБ, инженер предчувствовал неладное еще в темном коридоре. Зайдя в свою комнату, он застал жену в глубокой истерике и слезах, а на полу лежало грузное тело соседа.

Жена, заикаясь от ужаса, рассказала, что пьяный работяга ввалился к ним, когда её муж был на работе, и попытался её изнасиловать. Защищаясь, хрупкая женщина схватила со стола тяжелую статуэтку и ударила нападавшего по голове. Тот рухнул как подкошенный и больше не поднялся.

Инженер замер. В голове пронеслась страшная картина: суровые тридцатые годы, его любимую женщину обвинят в убийстве «представителя рабочего класса», заберут в лагерь, а дочка останется сиротой. Он принял решение мгновенно. Это было решение, продиктованное абсолютной, жертвенной любовью.

Он обнял плачущую жену, велел ей молчать и сам вызвал милицию.

«Это я его ударил. Он ворвался пьяный, угрожал. Я защищал семью», — твердо сказал он вошедшим сотрудникам органов.

«Как ты посмел поднять руку на рабочий класс?»

Его задержали. И в этот момент на сессии Ольга сжала кулаки, на её глаза выступили слезы — она заново проживала тот кошмар.

Интеллигентному, мягкому инженеру в тюрьме пришлось несладко. Для суровых тюремщиков и жестких сидельцев он со своим жалким, «профессорским» видом и неумением постоять за себя стал легкой мишенью. Его били. Били жестоко и регулярно.

Начались бесконечные допросы и суды. Следователи и прокуроры буквально издевались над ним:

«Ах ты, контра недобитая! Инженеришка! Как ты посмел поднять руку на честного рабочего человека, на опору советской власти?!»

А он... он просто молчал. Он не мог сказать правду, ведь тогда пострадала бы жена. За своё молчание на допросах он получал новые, еще более яростные порции ударов.

В одну из ночей тюремщики просто перестарались. Избитый сильнее обычного, измученный, но не предавший свою любовь, скромный инженер тихо ушел из жизни в сырой камере. Он так и не пережил ту ночь.

Исцеление памяти

Когда мы подошли к моменту отделения души от тела в той камере, Ольга вдруг глубоко и облегченно вздохнула. Напряжение, державшее её тело годами, начало таять.

Она поняла главное. Её подсознательный страх перед полицией и судом не был кармическим наказанием за грехи. Это был эхо-сигнал отчаянной боли, несправедливости и беззащитности перед системой, которую перенес тот любящий мужчина.

«Сергей... — тихо сказала Ольга, возвращаясь в реальность. — Я ведь думала, что я преступница. А я просто любила. Я защитила свою семью ценой собственной жизни».

Мы провели практику перепроживания и отпускания этого опыта. Время изменилось, страна изменилась, и той опасности больше нет. А тот подвиг духа, который совершила её душа в теле инженера, достоин не страха, а глубокого уважения и гордости.

Ольга уходила от меня с улыбкой и совершенно другим взглядом. Страх отступил, уступив место внутреннему свету и покою. Иногда, чтобы перестать бояться настоящего, нужно просто вспомнить, какими благородными мы были в прошлом.

Великий замысел любви

В моей практике регрессолога бывают сеансы, после которых внутри долго стоит звенящая тишина. Словно ты прикоснулся к огромному, обнажённому сердцу самой Вселенной. Сегодня я хочу поделиться с вами одной такой историей. История этой хрупкой, невероятно милой девушки — Насти — заставила меня в очередной раз преклонить колени перед мудростью того, как наши души учатся любить.

Боль, застывшая во времени

Настя пришла ко мне с глазами, в которых застыла вечность из слёз. Три года назад её мир рухнул. Её маленький сын, весёлый и ласковый мальчик, просто вышел во двор погулять. И не вернулся. Несчастный случай.

Время, вопреки расхожей поговорке, ничего не лечило. Три года Настя жила в аду неприятия, вины и одного-единственного, разрывающего душу вопроса: «Почему? Почему он ушёл так рано? За что?»

Мы сели в кресла, я помог ей расслабиться, замедлить дыхание и перевести фокус внимания внутрь себя — туда, где хранятся ответы на все вопросы, которые мы разучились задавать умом.

Ближний Восток: Клятва на пороге войны

Память души — удивительный компас. Он не ведёт нас в случайные места. Оказавшись в пространстве между жизнями, Настя плавно погрузилась в воспоминание, где она... была мужчиной. Молодым, сильным, горячим юношей, жившим много веков назад на раскалённых землях Ближнего Востока.

«Я вижу солнце... очень жарко. На мне светлые одежды», — тихо заговорила Настя в трансе, и её голос стал чуть глубже.

У этого юноши была любимая жена. Они только-только сыграли свадьбу. Молодые, окрылённые любовью, они сидели по вечерам под звёздами и мечтали, как построят большой дом, как у них будет много-много детей — шумных, весёлых, похожих на них.

Но в их дома пришла беда. Объявили Крестовый поход. Железный грохот чужих доспехов доносился всё ближе, и юноша посчитал своим священным долгом встать на защиту родной земли, своей женщины, своего будущего.

Она плакала, держала его за руки, умоляла не ходить. Но он, полный юношеского максимализма и уверенности в собственной непобедимости, обнял её и твёрдо пообещал:

«Потерпи, любимая. Я скоро вернусь. Сражение будет недолгим, я прогоню врагов, вернусь, и мы обязательно родим нашего первенца. Обещаю тебе».

Роковой бой и узел вины

Он ушёл на войну. В сеансе Настя видела, как этот юноша храбро, не щадя себя, сражался в пустыне. Он сильно и смело разил крестоносцев своей верной саблей. Он был уверен, что за его спиной правда, а значит, он бессмертен.

Но на войне у судьбы свои планы. В одном из жестоких боёв удача отвернулась от него. Настя замерла, её дыхание перехватило:

«Я вижу сталь... Меч крестоносца. Он распорол мне живот. Насквозь...»

Юноша падал на горячий песок, истекая кровью. Но самой страшной была не физическая боль. В его груди в этот момент бушевал пожар из ярости, бессильной злобы к врагам и, главное — разрушительного, сжигающего чувства вины перед женой. Он не сдержал слово. Он пообещал вернуться — и умирал здесь, в пустыне. Он оставил её одну.

Он ушёл и не вернулся. А она осталась ждать его на долгие, долгие годы, вглядываясь в горизонт и медленно угасая от горя.

Развязывание кармического узла

Когда мы поднялись в пространство Света, где душа может посмотреть на всё произошедшее со стороны, Настя содрогнулась от осознания.

В этой жизни та самая преданная, любящая жена из прошлого стала... её сыном. А тот молодой воин, который оставил её с невыполненным обещанием, воплотился в самой Насте.

В этой жизни сценарий повторился с зеркальной точностью, чтобы замкнуть круг. Сын вышел из дома, пообещав вернуться, ушёл и не вернулся. И теперь уже Настя познала всю ту бездонную чашу ожидания, тоски и боли, которую когда-то заставила испытать свою любимую.

«Сергей...» — прошептала Настя, и по её щекам покатались совсем другие слёзы — слёзы очищения. — «Здесь ведь нет ничьей вины, правда? Это просто... долг? Обида, которая тянулась через века?»

«Да, Настенька», — ответил я. — «Это кармический узел. Твой мальчик пришёл в эту жизнь не для того, чтобы наказать тебя. Его душа согласилась прожить этот короткий земной путь, чтобы выровнять баланс. Чтобы ты на себе почувствовала то, что чувствовал он тогда, и чтобы вы смогли, наконец, простить друг друга. Узел развязался. Прямо сейчас».

Время отпустить

В этом священном пространстве сеанса я попросил Настю позвать душу своего сына. И она пришла — светлая, лёгкая, сотканная из чистой любви. В ней не было ни капли обиды, ни грамма упрёка. Только бесконечная благодарность за то, что этот опыт, наконец, завершён.

Настя смогла сказать ему те слова, которые не могла произнести три года. Она попросила прощения за ту древнюю клятву в пустыне. Она поблагодарила его за то, что он был её сыном, пусть и так недолго.

«Я отпускаю тебя, мой родной. Иди к Свету. Без обещаний, без долгов, без обид».

И мальчик улыбнулся. Его душа передала Насте очень важное послание: «Теперь я свободен. И ты свободна. Я обязательно вернусь к тебе. В новом амплуа, в своё время. Но приду уже надолго — легко, радостно и без старых привязок».

Когда Настя открыла глаза, это была другая женщина. На её лице впервые за три года появилась мягкая, едва заметная, но живая улыбка. Из неё ушло то страшное, давящее напряжение неприятия. Она поняла, что её сын не исчез навсегда — его душа жива, она просто сдала свой сложный экзамен и отправилась на заслуженный отдых.

Дорогие мои, помните: наши привязанности, клятвы и обиды связывают нас крепче любых цепей. Учитесь благодарить за каждый опыт, даже самый болезненный, и отпускать с миром тех, чьё время пришло. Ведь за каждым, даже самым трагичным уходом, всегда стоит великий замысел Любви.

Волшебница или колдунья?

Как регрессолог, я видел сотни чужих жизней, но эта... она до сих пор отзывается во мне тихим эхом.

Ко мне пришла девушка. Знаешь, из тех, про кого сразу понимаешь: «светлая». Она занимается расстановками, помогает людям распутывать их ментальные узлы, видит этот мир как-то иначе — глубже, тоньше, сквозь призму безусловной любви. Но когда я посмотрел в её глаза, я увидел там глухую, ледяную стену. Её сердце было закрыто наглухо, под огромным замком. Внутри неё klokотала такая ярость и агрессия, которую она годами прессовала глубоко в подсознание, и колоссальное, выжигающее изнутри чувство вины. За что? Она сама не знала.

Мы пошли в погружение. Туда, где время теряет силу.

Прошлое: Белая ворона и чужие миры

Она увидела себя в теле молодой девушки. Удивительной, хрупкой, совершенно не от мира сего. В той глухой скандинавской деревушке её считали странной. Над ней посмеивались, обходили стороной. Настоящая белая ворона.

Она обладала даром. Ей сверху, прямо в сознание, приходили странные, красивые слова — заклинания. Стоило ей тихо напеть их, как происходили чудеса: затягивались раны, уходила боль, расцветали засохшие цветы, а в сердцах людей рождалась радость. Она была чистым проводником любви.

Но земная жизнь сурова. Родители, не понимая её ценности и желая «пристроить» странную дочь, отдали её замуж.

Муж оказался обычным деревенским мужиком. Грубым, неотёсанным, пахнущим перегаром и сырой землей. В нём не было ни капли той тонкости, которой дышала она. Больше скажу: когда мы присмотрелись к его образу в регрессии, стало ясно — у него и души-то толком не было. Не человек, а «людина», пустая биологическая оболочка, живущая инстинктами. Он не умел любить. И свою слабость перед её чистотой он компенсировал кулаками. Начались издевательства, побои, оскорбления.

Она терпела. Думала: «Я смогу его изменить. Я отопрею его своими заклинаниями, я вдохну в него свет». Она не понимала, что нельзя изменить того, кто меняться не хочет. Кого всё устраивает в своей серости.

Точка невозврата: Чёрная вуаль

В один из вечеров он пришел особенно разъяренным. Снова замахнулся, снова удар, боль, унижение. И в этот момент внутри неё что-то с треском сломалось. Вся обида, вся невыплеснутая агрессия за годы издевательств поднялась огромной волной.

В её голову пришло новое заклинание. Не такое, как прежние. Тёмное, резкое, как удар бича. Она не успела подумать — она просто выкрикнула эти слова ему в лицо в сердцах.

Муж замер. Глаза его округлились, и он замертво упал навзничь. Это заклинание мгновенно остановило его сердце.

Когда до неё дошло, что она натворила, её мир рухнул. Тотчас её собственное сердце покрылось плотной, непроницаемой чёрной вуалью. Наружу вырвалась тёмная сторона, которую она так долго и бережно прятала. Внутри выжгло всё: веру в людей, сострадание, надежду. Люди растоптали в ней ангела.

«Раз вы такие, — решила она, — значит, я буду отвечать вам тем же».

Остаток той жизни она провела могущественной чёрной колдуньей. Одинокой, страшной, мстящей всему миру. Она черпала силу из этой боли. Но принесло ли это ей счастье? Нет. Это была жизнь в крошечном аду, который создали для неё окружающие.

Наследие и Освобождение

Эта чёрная энергетическая воронка, рожденная из боли и вины за убийство, тянулась за ней сквозь века. И в этой, нынешней жизни, она заставляла её спасать других, но запрещала любить и спасать себя.

Мы сидели в тишине кабинета, и по её щекам текли слезы — первые настоящие слезы за очень долгое время. Мы вернулись в ту точку, к тому поверженному мужу.

Я обратился к ней:

— Ты защищала себя. Ты не хотела убивать, ты хотела остановить боль. Ты прощаешь ту испуганную девочку?

И она смогла. Мы провели огромную работу. Она простила себя за ту темноту. Она простила и отпустила ту «людину», которая не ведала, что творит. Вуаль на её сердце начала таять, превращаясь в чистую воду, выходящую со слезами. Прошлое осталось в прошлом. В этой жизни она снова сделала выбор, который когда-то у неё отобрали, — выбор в пользу любви, света и чистой радости.

Мужчины, если вы читаете это... Опомнитесь. Не доводите женщин. Любите их, оберегайте, уважайте. Ни одна женщина на этой земле не рождается плохой, злой или стервозной. Истинное зло в женщине пробуждает только одно — дефицит любви, безразличие и жестокость. Берегите тех, кто рядом с вами, ведь в каждой из них скрыта огромная магия, способная либо исцелить ваш мир, либо сжечь его дотла.

Любовь или расчёт?

— Закрой глаза и просто дыши, — тихо сказал я, настраивая голос на ту самую волну, где стихает шум мегаполиса и начинает звучать истинный голос души.

Напротив меня в кресле сидела Виктория. Из тех удивительных женщин, которые умеют замечать красоту в самых простых вещах: в блике солнца на оконном стекле, в чашке утреннего кофе, в случайной улыбке прохожего. Она умела ловить моменты счастья, но... не умела оставлять их себе. Стоило ей почувствовать радость, как тяжелый, невидимый груз прижимал её к земле.

Виктория винила себя. За всё подряд. За несказанные слова, за чужие обиды и, самое страшное, за сам факт своего существования. А ещё её мучил вопрос материнства.

— Я вроде бы и хочу ребёнка, Сергей... — её голос дрогнул. — Но внутри такой непреодолимый, липкий страх. Как будто, дав жизнь новому человеку, я совершу непоправимую ошибку. Или разрушу чью-то судьбу.

Мы начали погружение. Шаг за шагом, через расслабление тела, мы спускались в глубины её подсознания, туда, где память души хранит ответы на все «почему».

Темнота перед глазами Виктории сменилась мягким вечерним светом. Но это был не привычный ей свет.

— Что ты видишь? — спросил я.

— Я... я мужчина, — удивленно выдохнула она, и её дыхание изменилось, стало более глубоким, мужским. — Молодой парень. Вокруг горы, чистый воздух... Это Бавария. Похоже на восемнадцатый век.

Мы пошли дальше по сюжету той жизни. Парня звали Ганс. Его отец владел небольшим, но крепким кожевенным производством. Дела шли в гору, и отец упорно привлекал сына к ремеслу. Вот только Гансу вся эта возня с кожами, чанами и расчетами была не по душе. Его сердце рвалось на волю.

Ему нравилось гулять по альпийским лугам и, затаив дыхание, встречаться со своей любимой. Она была дочерью местных крестьян — простая, без гроша за душой, но невероятно хороша собой. В ней была та самая лёгкость, беззаботность и умение радоваться моменту, которую Виктория так отчаянно пыталась сохранить в своей нынешней жизни. Ганс обожал её. Ему казалось, что эта юношеская сказка будет длиться вечно.

Но в один из вечеров сказка разбилась о суровую реальность. На свидании девушка, смущаясь и сияя от счастья, тихо сказала: «У нас будет ребёнок».

Для девятнадцатилетнего Ганса мир перевернулся. Он оказался совершенно не готов к роли отца. Внутри поселился панический, животный страх. А тут, как назло (или как «спасение»), отец подобрал для него идеальную партию — дочку богатого купца с огромным приданым, которое могло поднять их семейное дело на новый уровень.

И Ганс смалодушничал. Поддавшись страху и давлению отца, он выбрал легкий, как ему тогда, казалось, путь. Он просто сбежал. Ничего не объяснив своей любимой, избегая встреч, он спешно женился на купеческой дочке.

— Что происходит дальше? — тихо спросил я Викторию, видя, как под её веками быстро двигаются глаза.

— Прошло несколько лет... — по щеке Виктории покатилась слеза. — Я на ярмарке. Шум, толпа. И вдруг я вижу её.

Ганс замер посреди площади. Его бывшая возлюбленная шла под руку с крепким, достойным мужчиной. А рядом с ними бежал замечательный, светловолосый мальчишка. Сын. Его сын. Мальчик смеялся и держал за руку чужого человека, который стал ему настоящим отцом, пока Ганс жил с нелюбимой женой, от которой детей не хотелось вовсе.

В ту секунду Ганса пронзило осознание того, что он натворил. Он предал любовь, предал своего первенца, променял живое счастье на мешки с золотом. Тяжелейший камень вины упал на его душу. Не найдя в себе сил попросить прощения или что-то изменить, Ганс не придумал ничего лучше, кроме как топить эту вину в вине. Он стал пить. Алкоголь не приносил радости, но на время приглушал этот невыносимый внутренний крик. Ганс прожил недолгую, серую и глубоко несчастную жизнь, умерев с невысказанным раскаянием на губах.

— Суть регрессии не в том, чтобы просто посмотреть «кино», Виктория, — мягко обратился я к ней, возвращая её в пространство нашего сеанса. — Твоя душа унесла ту вину с собой. И сейчас, в этой жизни, ты винишь себя за всё подряд, словно пытаешься искупить старый долг.

И ребёнка ты боишься потому, что для твоего подсознания «дети» равняются «ошибке, которая разрушит жизнь». Но ты — уже не Ганс. Та история завершена.

Мы провели глубокую духовную работу. В пространстве памяти души Виктория — уже из состояния сегодняшней мудрости — встретилась с той баварской девушкой и с Гансом. Она помогла тому испуганному молодому человеку восемнадцатого века понять, что то решение было продиктовано лишь страхом и незрелостью, но никак не злобой. И что та девушка в итоге нашла своё истинное счастье с мужчиной, который полюбил и её, и её ребёнка.

— То, что случилось, нельзя вернуть назад, — сказал я Виктории. — Но ты можешь простить себя за те страхи и за тот неправильный выбор. Ты имеешь право освободиться.

Виктория сделала глубокий, очищающий вдох. На её лице впервые за сеанс появилась расслабленная, мягкая улыбка. Напряжение, державшее её плечи годами, ушло.

— Я прощаю себя, — шепнули её губы. — Я выбираю жить. Не в вине и страданиях, а в любви и радости.

Когда она открыла глаза, это был уже совсем другой человек. Нас встретило мягкое июньское солнце, заливающее комнату. Виктория посмотрела в окно, улыбнулась этому свету и как-то по-особенному, тепло прижала ладони к своему животу. Страх там больше не было. Там было место для новой, счастливой жизни.

Воин отчаяния

Сегодня я хочу рассказать историю, которая в очередной раз доказывает: наша душа помнит всё, даже то, что мы отчаянно пытаемся залить алкоголем, заглушить чужим смехом или спрятать за маской вечного весельчака.

Ко мне на сеанс пришел мужчина. Назовем его Олегом. В этой жизни он — душа компании, успешный ведущий праздников, шоумен. Человек-праздник, от одного голоса которого залы взрываются хохотом. Но когда гаснут софиты, и он остается один в пустой квартире, маска сползает. За ней скрывалось лицо глубоко несчастного, измученного человека.

Причина, с которой он пришел, казалась банальной для земного мира — тяжелое расставание. Любимая девушка ушла, а он застрял в этой точке. Года идут, а он не может её забыть. Но страшнее всего была разрушительная, глухая злость, которая буквально выжигала его изнутри. Он злился на нее — за предательство, на себя — за слабость, и на весь мир — за несправедливость.

«Я устал притворяться, Сергей, — тихо сказал он мне, закрывая глаза. — Я дарю людям радость, а внутри меня — филиал ада».

Мы начали погружение.

Прошлое: Свет софитов и блеск чужих денег

Якорь памяти утянул нас в начало XX века. Олег увидел себя молодым, невероятно талантливым актером театра. Красивые костюмы, рукоплескания публики, главные роли. Он жил сценой. И там же, на подмостках, он встретил её — молодую актрису, партнершу по спектаклям.

Это была любовь-вспышка, взаимная и страстная. Они репетировали до поздна, строили планы. Но земной мир циничен. За девушкой начал ухаживать богатый помещик — человек с положением и огромным состоянием. И она... сделала выбор.

Олег со слезами на глазах вспоминал тот тяжелый разговор в примерке. Она смотрела на него с грустью, но твердо сказала: «Он для меня более выгодная партия. Прости».

Для него, романтика и творца, рухнул мир. Как можно променять истинное чувство, единение душ — на шуршащие ассигнации и поместья? Гордость и эго заставили его замкнуться в обиде и ярости.

Выбор воина отчаяния

Как раз в это время гроыхнула Первая мировая война. И наш герой не нашел ничего лучшего, как сбежать от своей боли на фронт. Он пошел добровольцем.

Сначала командование, зная о его таланте, оставило его в тылу — давать фронтовые постановки для раненых бойцов в госпиталях. Но играть комедии, когда внутри все кровоточило, было невыносимо. Он требовал, умолял, рвался на передовую. На него долго смотрели как на сумасшедшего, но в конце концов махнули рукой: «Хочешь пулю? Иди».

И вот — передовая.

Первый и последний бой

Мы подошли к кульминационному моменту. В кресле Олег начал дышать чаще, его тело напряглось.

«Я слышу грохот... свист пуль, земля летит в лицо, — шептал он в трансе. — Вокруг кровавое месиво. Это не театр...»

Там, в окопе, под свист настоящих, не бутафорских снарядов, на него лавиной накатил настоящий страх смерти. И в этот самый миг произошло страшное, трезвое озарение. Озарение, которое пришло слишком поздно.

Он вдруг понял, что натворил. Что разрушил свою жизнь сам. Та женщина... она была ни при чем. Она не заставляла его идти под пули, не желала ему зла, она просто сделала свой

земной выбор в пользу безопасности. А он? Он выбрал верную смерть из-за уязвленного самолюбия.

Одно дело — красиво умирать на сцене под рыдания зрителей, зная, что после занавеса ты встанешь и пойдешь пить чай. Другое дело — здесь, в грязном окопе Первой мировой, где переиграть и взять второй дубль не получится.

Олега охватила такая бешеная, колоссальная злость на самого себя за эту глупость! Ему стало так отчаянно жалко себя, свою погубленную молодость и талант. Умирать оказалось безумно страшно. Он метался в панике, не зная, что делать, но колесо войны уже закрутилось. Та кровавая бойня не прощала ошибок и не ждала, пока актер справится с депрессией.

Из своего первого и последнего боя он так и не вернулся. Душа покинула тело в состоянии ужаса, ярости на себя и горького сожаления.

Осознание и новый шанс

Когда мы вернулись в пространство между жизнями, Олег долго молчал, а по его щекам текли слезы.

«Ты понимаешь, почему в этой жизни ты носишь маску весельчака и так злишься на бросившую тебя девушку?» — спросил я его.

«Да... — ответил он. — Я снова играю. Я снова пытаюсь доказать, что мне не больно, и опять злюсь на женщину, хотя сценарий пишу сам. Я застрял в том окопе».

Эта злость, которую он носил в себе сейчас — это была та самая невыраженная злость из 1914 года. Злость на самого себя за то, что из-за несчастной любви он выбросил в помойку великий дар — Жизнь. И подсознательно он боялся, что нынешнее расставание снова приведет его к гибели.

Нынешняя жизнь Олега — это новый шанс. Чистый лист. И самое главное — в этот раз, когда боль подступила к горлу, он не пошел искать «верную смерть» на ментальном или физическом фронте. Он сделал правильный, зрелый выбор. Он пришел на регресс. Пришел ко мне, чтобы сорвать маску, заглянуть в глаза своему главному страху, простить ту девушку из прошлого и, наконец, разрешить себе просто жить.

Мы провели большую работу по освобождению от заблокированных эмоций того испуганного солдата-актера. Олег уходил от меня другим человеком. С плеч словно спал столетний чугунный груз. На его лице впервые за долгое время появилась не дежурная эстрадная улыбка, а тихая, спокойная улыбка человека, который вернулся домой. С войны, которая закончилась больше века назад.

Право на истинную силу

Как регрессолог, я каждый день вижу, как причудливо переплетаются нити человеческих судеб. Но некоторые истории оставляют особый, глубокий след в душе. Хочу поделиться с тобой одним таким погружением.

Она пришла ко мне с тяжелым сердцем. Назовем её Наташей — светлая, чуткая девушка с невероятно теплой энергетикой. Из тех людей, кто готов отдать последнее, чтобы помочь ближнему. Но за этим фасадом абсолютного альтруизма скрывался парализующий, необъяснимый страх. Наташа панически боялась проявить характер, заявить о себе, раскрыть свою внутреннюю силу. «Мне кажется, если я стану по-настоящему сильной и заметной, случится что-то непоправимое», — призналась она. В довершение ко всему, её жизнь омрачали тяжелые, удушающие отношения с матерью — смесь слепой любви, тотального контроля и взаимных обид.

Мы закрыли глаза и отправились в путешествие по закоулкам её подсознания...

Прошлое: Блеск и пепел поместья

Память души перенесла нас в XIX век. Наташа увидела себя статной, уверенной в себе женщиной — хозяйкой богатого и процветающего поместья. У неё было всё, о чем можно только мечтать: уважение в обществе, любящий, благородный муж и обожаемая маленькая дочка — хрупкий ангел с золотистыми локонами.

В этот момент на сеансе Наташа вздрогнула и прошептала: «Боже... эти глаза. Эта девочка... это же моя мама в сегодняшней жизни». Да, тогда они поменялись ролями: сегодняшняя строгая мать была её беззащитным ребенком.

В той жизни Наташа была сильной, но эта сила имела обратную сторону. Воспитанная в строгих дворянских традициях, она твердо верила, что порядок держится на жесткости. К своим крепостным крестьянам хозяйка была невероятно требовательна. За любую, даже самую мелкую провинность, следовало суровое наказание. Она считала это «справедливостью».

Особенно часто доставалось одному молодому парню — неуклюжему, рассеянному, у которого всё валилось из рук. Обида и злость на жестокую барыню копились в его груди годами, превращаясь в глухую, черную ненависть.

Роковой полдень

Это был обычный солнечный день. Хозяйка уложила дочку спать на второй этаж, укутала одеялом и, оставив её под присмотром нянек, уехала на местную ярмарку.

Когда коляска подъезжала обратно к усадьбе, сердце женщины сжалось от ужаса. Над вековыми деревьями поднимался густой черный дым. Дом горел. Тот самый неуклюжий крестьянин, напившись для храбрости, решил на страшную месть и поджег поместье.

Наташа выскочила из повозки. Вокруг суетились люди, но внутри деревянного строения, охваченного яростным пламенем, оставался её мир. Сквозь треск горящих балок она услышала отчаянный, разрывающий сердце крик своей дочки, доносившийся со второго этажа.

Не раздумывая ни секунды, забыв о страхе и боли, она бросилась прямо в огненное пекло. Кашляя от едкого дыма, пробиваясь сквозь обрушивающиеся потоки искр, она добежала до детской. Женщина схватила плачущего ребенка на руки, прижала к груди и попыталась повернуться к выходу... но путь назад уже был отрезан. Потолок рухнул, заперев их в огненной ловушке.

Умирая в кольце пламени и крепко сжимая в объятиях дочь, она сделала свой последний, роковой вывод, ставший блоком на ценные воплощения вперед:

«Вот так... Я была сильной. Я была собой, была настоящей и справедливой, как меня учили. И из-за этого моя жизнь и жизнь моего ребенка превратились в пепел».

Осознание и исцеление: Разрешите себе сиять

Когда Наташа вернулась в реальность, по её щекам текли слезы, но это были слезы освобождения. Подсознание наконец-то выдало корень её проблем.

Страх своей силы: Всю нынешнюю жизнь Наташа подсознательно блокировала свою силу и яркость, потому что её душа помнила: быть сильной и настоящей — смертельно опасно, это приводит к трагедии.

Отношения с матерью: Тяжелый узел в отношениях с мамой тянулся из того пожара. На глубинном уровне мать до сих пор подсознательно боялась потерять дочь (как потеряла тогда), а Наташа испытывала подсознательное чувство вины за то, что не смогла спасти своего ребенка в прошлом.

Мы провели глубокую работу по трансформации этого опыта. Прошрое уже случилось, тот огонь давно погас. В этой жизни у Наташи совсем другие задачи. Ей больше не нужно быть жесткой надсмотрщицей, но и прятать свой свет в тень из-за старых страхов — огромная ошибка.

Сегодня разрешить себе быть настоящей, проявлять свою истинную силу и сиять — это не опасность. Это единственный путь к исцелению её души, её настоящей жизни и её отношений с близкими.

Каждая история регресса учит нас одному: мы не заложники своего прошлого, мы — авторы своего настоящего. И иногда, чтобы уверенно пойти вперед, нужно просто обернуться и с благодарностью отпустить старые призраки.

Исцелённый монах

Знаете, за годы работы регрессологом я видел сотни чужих жизней, но некоторые истории оставляют глубокий след даже в моей искушенной душе.

Недавно ко мне на сеанс пришла девушка. Назовём её Татьяна. Удивительная, светлая, с глазами, в которых, кажется, помещалась боль всего мира. Она из тех людей, про которых говорят: «Последнюю рубашку отдаст». Она разрывалась между помощью друзьям, волонтерством, решением чужих проблем, совершенно забывая жить сама. В её поле чётко читалась тяжелая, звенящая ноша — синдром спасателя, помноженный на глубинное, иррациональное чувство вины. Жертвенность, возведенная в абсолют.

Мы отправились на поиски истока этой боли. И вот куда привёл нас её подсознательный запрос.

Прошлая жизнь. Обитель уставшего целителя

Южная Европа, примерно XVII век. Татьяна видит себя мужчиной. Это монах в грубой, тяжелой рясе. К нему тянется нескончаемая, живая, стонущая очередь из людей. Мужчины, женщины, истощенные дети... Все они пришли к нему, потому что он обладал уникальным, редким даром исцеления.

Он спал всего по два-три часа в сутки. Братья-монахи буквально умоляли его: «Брат Иоанн, остановись, отдохни, ты же угадаешь!» Но он лишь отмахивался. В его глазах горел фанатичный, болезненный огонь. Он прикладывал сухую, горячую от усталости руку к очередному больному, закрывал глаза, шептал молитву и неистово просил Бога забрать чужую боль.

Он выжигал себя дотла. И закономерно сторел — его сердце остановилось, когда ему не было и пятидесяти. Он умер, пожертвовав собой, так и не поняв, что совершил насилие над собственным телом.

«Но почему?» — спросил я Татьяну, когда она находилась в глубоком трансе. — «Откуда эта слепая ярость спасательства? Ведь просто так в монастырь, отрекаясь от радостей мира, не уходят».

И мы пошли глубже. В точку перелома.

Точка излома. Это и разбитые надежды

До монастыря он был молодым, амбициозным светским врачом. Талантливым, горячим, искренне верившим, что наука и его руки могут победить саму смерть.

В один из дождливых вечеров к нему в клинику привезли беременную женщину. Она была на грани жизни и смерти, истощена и слаба. Иоанн в глубине души, чистым медицинским рассудком понимал: шансов практически нет. Организм женщины отказывал.

Но здесь включилось гордое, слепее Эго молодого врача. «Я смогу! Я докажу! Я спасу их вопреки всему!» Он пошел наперекор законам природы и принял эти роды.

Чудо не произошло. На его операционном столе умерла и мать, и новорожденный ребёнок.

Мир молодого доктора рухнул. Вместо того чтобы принять конечность человеческой жизни и смириться с тем, что врачи — не боги, он взвалил всю вину за их смерть на свои плечи. Этот груз был настолько неподъёмным, что Иоанн сбежал от мира. Он ушел в монастырь, чтобы искупить то, что искупить было невозможно.

Именно там, на стыке колоссального горя и молитв, в нём открылся истинный дар целительства. Но Иоанн воспринял его не как благословение, а как сделку с Господом: «Я спасу как можно больше жизней, я отдам всего себя, без сна, без отдыха, в наказание за ту женщину и младенца. Я выкуплю их души своей кровью».

Эхо в настоящем

С этой деструктивной программой искупления Татьяна и родилась в этой жизни. Монах умер, но его подсознательное чувство долга — «я должен спасти всех, иначе я виноват» — перетекло в её сегодняшнюю реальность.

Когда в сеансе мы поднялись в пространство между жизнями, в так называемый Мир Душ, Татьяна смогла посмотреть на ту ситуацию сверху, глазами Наставников. И её пронзило осознание, от которого по её щекам покатались слезы облегчения.

Иоанн не был виноват в смерти той женщины. Её земной путь и путь её ребёнка должны были завершиться именно так, это был выбор их душ. Его это сыграло с ним злую шутку, заставив поверить, что он всемогущ, а затем — что он чудовище. Он не должен был приносить себя в жертву. Ни в той жизни, ни, тем более, в этой.

Послание для Татьяны (и для каждого из нас)

Мы завершили сеанс, и Татьяна долго сидела молча, бережно укачивая внутри себя своего уставшего, исцеленного монаха.

Я хочу повторить то, что сказал ей, каждому, кто сейчас читает эти строки и узнает в Татьяне себя:

Вообще, единственный человек, которого нам действительно следует спасти в этой жизни — это мы сами.

Это не эгоизм. Это высший закон гармонии. Когда мы спасаем, наполняем и исцеляем себя, когда мы выстраиваем внутреннюю опору, мир вокруг нас меняется удивительным образом. Из состояния дефицита и вины невозможно созидать. Но когда вы светитесь от избытка любви к жизни, вокруг вас автоматически спасаются тысячи. На ваш свет приходят те, кому действительно нужна помощь, и они исцеляются просто от вашего присутствия, а не от того, что вы отдаете им последние силы.

Не вините себя за прошлые ошибки. Простите себя за то, что не смогли кого-то уберечь. Разрешите себе сиять — ярко, тепло, свободно — несмотря ни на что вокруг.

Этот свет, эта безусловная опора и любовь Бога всегда были и остаются внутри вас. Просто позвольте себе наконец-то просто жить.

Отчим и пасынок

Знаешь, за годы практики в регрессиях я понял одну простую, но пронзительную вещь: наши самые глубокие, необъяснимые страхи сегодня — это почти всегда незажившие шрамы вчерашнего дня. Того «вчера», которое измеряется веками.

Ко мне обратился мой хороший друг. Мы работаем с ним уже давно, провели больше десяти глубоких сеансов, по кирпичикам разбирая самые разные пласты его подсознания. Казалось бы, многое уже проработано, дышать стало легче. Но жизнь — штука послойная. Стоило ему вступить в близкие отношения с девушкой, как на поверхность поднялась тяжелая, липкая волна.

Каждая размолвка с любимой, каждое мимолетное охлаждение отзывались в нем не просто грустью, а настоящим, парализующим ужасом. Страх потери, паника отверженности, ощущение, что тебя вот-вот бросят и эта боль разорвет грудную клетку. Знакомое многим чувство, правда? Когда ум понимает, что это просто мелкая ссора, а тело и сердце кричат: «Спасайся, мы остаемся одни!»

Мы решили пойти в этот страх. Туда, где родилась программа брошенности.

Память души — удивительный кинотеатр. Пространство сеанса мягко развернулось, и мы перенеслись в Германию XIX века.

Мой друг увидел себя маленьким мальчиком, лет трех-четырёх. У него была потрясающая, теплая, любящая семья. Отец — купец, занимался торговлей, мужчина крепкий, но невероятно добрый. Мама — воплощение уюта, хранительница их небольшого, но светлого дома. Малыш купался в этой любви, мир казался ему абсолютно безопасным и незыблемым.

Но земной план хрупок. В один из дней отец возвращался домой с товаром. В лесу на обоз напали разбойники. Товар отобрали, а отца убили. В один миг счастливый мир ребенка треснул. Мать осталась без опоры, без средств к существованию, с огромным горем на руках.

Время шло, раны затягивались, нужно было просто выживать. Через какое-то время в их доме появился другой мужчина — отчим. Он искренне любил маму мальчика, заботился о ней, но вот с ребенком... Сблизиться у них так и не вышло. Отчим не был злым, он не обижал мальчика. Хуже. Он был к нему абсолютно, глухо равнодушен. Ребенок стал для него просто элементом интерьера.

А в восемь лет судьба нанесла новый удар. Мама слегла с сильнейшей лихорадкой. Несколько дней в бреду — и её не стало.

Представь себе состояние восьмилетнего пацана. Мамы и папы больше нет. Он остался один на один с чужим, холодным мужчиной. В памяти друга всплыл пронзительный момент из того детства: маленький мальчик сидит в комнате и смотрит на отчима. И в его детской голове бьется отчаянная мысль: «Ну прояви ты хоть какие-то чувства! Ну крикни на меня, прояви злость, агрессию — хоть что-то, чтобы я почувствовал, что я живой, что я здесь, что ты меня видишь!»

Но в ответ была лишь звенящая тишина равнодушия. Они жили под одной крышей, разделяли быт, но каждый оставался бесконечно одинок.

Мальчик рос. Ему безумно хотелось любить и быть любимым, внутри него горел огромный потенциал нежности. Но страх оказался сильнее. Самый главный вывод, который сделал его детский неокрепший ум из той двойной трагедии: «Если я кого-то подпущу близко, они уйдут. Они умрут или исчезнут, и мне снова будет невыносимо больно. Лучше не начинать».

Он закрыл свое сердце на замок. Так и прожил всю жизнь — в коконе безопасности, который одновременно стал для него добровольной тюрьмой. Век одиночества из-за страха снова пережить потерю. И умер в глубокой старости, так и не узнав тепла разделенной любви.

Когда мы поднялись над этой прожитой жизнью в пространство между воплощениями, пришло глубокое, исцеляющее осознание.

Ведь для чего мы приходим в этот плотный, материальный мир? Мы приходим сюда, чтобы взаимодействовать. Чтобы соприкасаться душами, любить, дружить, ошибаться, прощать. Никто не был виноват в том, что его родители ушли так рано. Это не было наказанием или предательством с их стороны — это был их земной путь, их финал.

Да, нашему человеческому уму и эго жизнь часто кажется несправедливой, жестокой и кривой. Ум ищет виноватых, строит защиты, включает программы страха. Но для Души всё это — чистый опыт. Она не делит происходящее на «плохое» и «хорошее». Она спускается в это плотное тело, чтобы просто чувствовать. Чувствовать контрасты: от безграничного счастья до звенящей тоски. Чтобы через эти крайности познать себя.

Там, на сеансе, мой друг наконец-то смог отпустить ту старую немецкую боль. Он посмотрел на свою нынешнюю жизнь, на свою девушку и понял: тот мальчик остался в XIX веке. А здесь, сегодня, у него есть право разрешить себе жить дальше. Разрешить себе любить на полную мощь, без страхов, оглядок и сомнений.

Да, близость — это всегда риск. Но закрыться от любви из-за страха потери — это всё равно что отказаться от жизни из-за страха смерти.

Мы закрыли сеанс. Друг открыл глаза, и я увидел, что его взгляд изменился. Из него ушел тот загнанный, детский испуг. Нас ждет еще путь интеграции этого опыта, но главное сделано: сердце, которое молчало целый век, снова выбрало любить.

Пуля и каторга

Знаешь, в моем кабинете регрессолога переплетаются сотни человеческих судеб, но некоторые истории оставляют особый, ни на что не похожий след. Они пахнут дорожной пылью, старыми книгами и... жженым сахаром.

Ко мне уже не первый раз приходит одна удивительная девушка. Добрая, светлая, из тех, кто постоянно копается в себе, ищет ответы, пытается расти. Но каждый раз мы упираемся в одну и ту же невидимую стену. Она держится за старое так, словно от этого зависит её жизнь. Вещи, изжившие себя отношения, старые обиды, неактуальные цели... Она сама понимает: «Всё, это уже отработано, это тянет меня вниз, место занято, и новое просто не может войти в мою жизнь!» Но стоит подойти к моменту расставания, как внутри у неё включается глухой, животный ужас: «Не отдам. Не пущу. Это же моё, родное, кровное...»

В этот раз мы решили пойти в самый корень этого страха. Закрываются глаза, дыхание становится ровным, и сознание, минуя фильтры разума, уводит нас в глубь веков.

Прошлое. Вкус сладкого золота

Она увидела себя обычной крестьянской девчонкой. Беднота была такой, что земляной пол в избе казался нормой, а дырявая обувь — привычным делом. В той жизни самым ярким воспоминанием детства был... кусочек сахара. Обычный рафинад. Им её как-то угостил проезжавший мимо барин.

Для маленькой нищей девочки этот белый кубик стал величайшим сокровищем в мире. Она не съела его. Она прятала его в тряпицу, как драгоценный алмаз. И каждый день, замирая от восторга, позволяла себе лишь разок-другой лизнуть его, растягивая это нехитрое счастье на недели. Она привыкла, что радость нужно дозировать, беречь и прятать, иначе отнимут, иначе закончится.

Время шло, девка выросла. Пришла пора замуж идти, а за душой — ни копейки, никакого приданого. По тем временам — приговор. Но ей повезло, да так, что завидовали все вокруг. В неё до беспамятства влюбился местный кузнец. Статный, сильный, работающий парень. Взял её босую, без узелков и сундуков.

На свадьбе он обнял её крепко и тихо шепнул на ухо: «Мы всего добьемся сами, родная. Ты только верь в меня».

И она верила. Любила так, что дыхание перехватывало. Родила ему троих детей. А кузнец её слов на ветер не бросал. Днем он в поте лица вкалывал в кузне, а по вечерам, зажигая лучину, уходил на реку. До глубокой ночи, ломая ногти и сбивая руки в кровь, он в одиночку строил водяную мельницу. Ведь хлеб и мука нужны людям всегда.

И дело пошло. Сначала потихоньку, потом всё увереннее они начали богатеть. Муж построил большой, красивый дом с резными наличниками. Стал баловать свою любимую. И главная её гордость — в доме теперь всегда, в огромной вазе на столе, лежал сахар. И сладости. Сколько душевненько угодно. Она смотрела на мужа и думала: «Мы победили бедность. Всё моё со мной, навсегда».

Излом. Когда рушится мир

А потом пришел двадцатый век. Революция.

В один из серых осенних дней в их двор постучали. Раскулачивание. Чужие люди в кожанках, с холодными глазами, пришли забирать всё. Муку, дом, скот... и мельницу.

Моя клиентка там, в трансе, плакала навзрыд. Она кричала мне из того времени: «Как же так?! За что?! Мы же каждую копейку откладывали, мы же не спали ночами! Это же наш труд, наша жизнь! Почему мы снова должны остаться ни с чем?!»

Муж, её гордый, сильный кузнец, отдать мельницу — своё детище, построенное в пред-рассветной темноте своими руками — не смог. Встал на пороге, заслонив её собой.

Его расстреляли там же, прямо у бревенчатой стены мельницы. На её глазах.

Её саму, обезумевшую от горя, погрузили в теплушки и отправили на лесоповал в Сибирь. Детей отобрали, раскидали по детприемникам, и следы их затерялись в водовороте истории.

Горький урок для настоящего

Когда первый шквал эмоций в сессии утих, мы перешли к самому важному этапу регрессии — к осознанию опыта. Я спросил её:

— Посмотри на ту жизнь с высоты птичьего полета, когда душа уже покинула тело. Чего она добилась своей яростной борьбой за это имущество? Кому она сделала лучше?

И в кабинете повисла тишина. Омытая слезами, душа моей клиентки кристально четко увидела истину.

Да, это нечеловечески тяжело — отдавать то, во что ты вложил душу, верность и все свои силы. Но если бы тогда, у мельницы, они отступили? Если бы муж не пошел на рожон, если бы они отдали этот несчастный дом и мельницу, они остались бы живы. Они были молодыми, безумно талантливыми, сильными и любящими. Да они при любой власти, даже при советской, поднялись бы с нуля! Муж открыл бы артель, они снова построили бы дом, они сохранили бы детей и друг друга.

Но они предпочли умереть, держась за «свое». И вместо долгой жизни получили пулю и каторгу.

Мы открыли глаза. Она сидела молча, вытирая слезы, но это были уже другие слезы — слезы освобождения. Напряжение, которое она носила в плечах годами, наконец-то спало.

Иногда в моменте нам кажется, что земля уходит из-под ног, мир рушится, а то, что у нас забирают — это конец света. Но это не так. Жизнь шире, чем материальные вещи или старые сценарии. Наш истинный капитал — это наш талант, наша любовь и наша сила внутри.

Стоит довериться Вселенной. Стоит разжать кулаки и отпустить старое, отжившее, пусть даже когда-то оно было сладким, как тот кусочек сахара. Только отпустив его, мы сможем увидеть, что впереди нас ждет новое — и оно может быть еще лучше. А мы, пройдя через это принятие, становимся лишь сильнее, мудрее и свободнее.

Она улыбнулась мне на прощание. И я знаю, что теперь в её жизни точно освободилось место для чего-то очень большого и прекрасного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.